

- наличие информации, не относящейся к описываемым событиям (рассказы о своем здоровье, семейных делах и т. д.).
- субъективность, нередко связанная с личным отношением к человеку: «был хороший друг в то время, но после лагеря не пожелал ехать на родину...такие люди нам не нужны» (А. Катырло на вопрос о целесообразности включения в книгу материалов о О. Парфиановиче) [3, с. 72].

Таким образом, данные письма нельзя рассматривать как главный источник для исследования истории лепельского подполья, но в комплексе с другими источниками они могут стать основой для создания обобщающей работы по этой теме.

Источники

1. Отчёт партизанской бригады им. Сталина. — КП 390. — УК «Лепельский районный краеведческий музей».
2. Журфак / Аўт. — склад.: В. П. Вараб'ёў, А. К. Свораб, М. П. Карповіч, Т. А. Луйгас; Рэдкал.: В. П. Вараб'ёў (адк. рэд.) і інш. — Мн.: БДУ, 2004. — 306 с.
3. Письма, воспоминания подпольщиков о Лепельском подполье в годы Великой Отечественной войны. 1968–1978 гг. — НВ 3713/80. — УК «Лепельский районный краеведческий музей».
4. Памяць: Лепельскі раён: Гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Укл. В. Я. Ланікіна, А. У. Стэльмах; Рэдкал.: В. Я. Ланікіна і інш. — Мн.: Беларусь, 1999. — 640 с.

Е. А. Гребень

ЛЕПЕЛЬСКОЕ ПОДПОЛЬЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

События Великой Отечественной войны на Лепельщине регулярно становились объектом изучения исследователей. Различные аспекты функционирования оккупационного режима, партизанской борьбы, боевых действий на территории Лепельского района неоднократно обсуждались на предыдущих Лепельских чтениях и достаточно полно отражены в «Нарысах гісторыі Лепельшчыны» и книге «Память» Лепельского района [1; 2]. В то же время следует отметить, что история Лепельского подполья до сих пор остается малоизученной проблемой.

Сопrotивление нацистским оккупантам в подполье имело огромное значение для приближения победы над врагом. В книге «Память» Лепельского района на фоне колоссального объема информации о действиях партизан, информация о подполье содержится значительно меньше, представлены отдельные воспоминания о действиях подпольщиков в самом Лепеле и фрагментарные сведения о помощи граждан-патриотов партизанам [2, с. 223–237, 302–303, 306–308]. В то же время в фондах Лепельского районного краеведческого музея хранится большое количество воспоминаний участников подпольного движения на Лепельщине и их родственников, которые наблюдали подпольную борьбу, помогали подпольщикам, а также послевоенная переписка граждан в ходе подготовки книги о Лепельском подполье.

Клац Александра Фетодовна описывает разрушения Лепеля, рассказывает о помощи гражданского населения военнопленным. Подпольная группа оформилась 8 ноября 1941 г., ее руководителем стала Ирина Велюго. Подпольщики распространяли рукописные листовки о параде 7 ноября 1941 г. в Москве на Красной площади, имели связь с партизанами и

подпольной группой в типографии. По заданию партизан доставали медикаменты, перевязочные материалы, хирургические инструменты. Медикаменты получали у знакомой, работавшей в аптеке. Одна из подпольщиц, работавшая акушеркой, для связи с партизанами выезжала в район под предлогом тяжелых родов, привозила в Лепель агитационные материалы, сигнальные ракеты и магнитные мины. Ракетами подавали сигналы советским самолетам, бомбившим Лепель. Подпольщики собирали деньги и облигации, меняли на продукты питания на рынке махорку и мыло, вязали для партизан носки и специальные рукавицы с двумя пальцами для стрельбы. Члены подпольной группы имели связь с рыболовной артелью, которая, под видом реквизиции, передавала улов партизанам.

Упомянутые Клац А. Ф. военнослужащие русской освободительной народной армии (РОНА) Б. Каминского характеризуются и как предатели и как жертвы обстоятельств, спасавшие свою жизнь ценой службы немцам. Подпольщики предпринимали попытки разложения РОНА изнутри. Готовился переход к партизанам военнослужащих РОНА из Лепеля и Чашников, в том числе танковых экипажей. Сообщает о недоверии Каминского к белорусам. Муж работал в ремонтной мастерской, где организовал группу военнопленных, занимавшуюся починкой ремонтируемой техники. С целью покушения на Б. Каминского заложили мину в его автомобиль, но ее обнаружили во время осмотра.

В мае 1944 г. подпольная группа была раскрыта, участники арестованы. Клац была арестована и отправлена в тюрьму РОНА, туда же ей принесли сына, имевшего несколько месяцев от роду. Других подпольщиков отправили в лагерь военнопленных [3].

Зайцева М. вспоминает бомбежки Лепеля, расстрел немецкими самолетами людей из пулеметов, много раненных курсантов минометного училища, начавшуюся в городе панику. Вышла замуж за раненого курсанта, «чтобы не приставали

немцы» (не уточняется, это было сделано для спасения курсанта, или же еще для чего-либо). Дается описание концлагеря военнопленных, помощь гражданского населения: «Носили целыми ведрами (еду), а если не было чего сварить, то собирали щавель, варили густой и носили. Хлеб пекли вот какой: листки папоротника собирали, сушили, добавляли немножко муки и пекли лепешки и бросали пленным через проволоку, даже сырую картошку бросали...».

Участники ее подпольной группы во главе с Сергеем Барановским воровали у немцев оружие, держали связь с бригадой Дубова через связных в двух деревнях. Зайцева М. работала в немецком госпитале уборщицей, потом на кухне при воинской части. Ее мать и сестра толкли в пыль стекло, которое она подсыпала немцам в еду. Собирали немецкие марки, покупали табак и соль для партизан, доставали медикаменты. Ситуация усложнилась, когда в Лепельском районе была дислоцирована РОНА, солдаты которой понимали язык местных жителей, в отличие от немцев, что затрудняло действия подпольщиков. Подпольщики писали листовки, адресованные солдатам РОНА [4].

Информация о подпольной группе Барановского содержится в воспоминаниях Катырло-Юшкевич А. И. Тексты обменивали на отпечатанные листовки на дому у Барановского. Из типографии печатную продукцию выносили под одеждой или в сумке с двойным дном [5].

Закревская А. описывает деятельность подпольной группы, в которую входил ее брат Владимир Закревский, она же предоставила в распоряжение подпольщиков свою квартиру, где хранилась взрывчатка, мины и гранаты. Приводится эпизод, когда расквартированные в квартире немцы сложили свое оружие возле комода, в котором хранились боеприпасы. Подпольщики имитировали у А. Закревской острую боль, вызвали знакомого фельдшера, и ей за услугу насыпали в корзину картошки, положив снизу боеприпасы, которые удалось вынести из дома. В

другом случае отец Закревской взял больную чесоткой лошадь, на которой поехали в деревню под видом покупки картошки. Под одеждой подпольщиков были спрятаны магнитные мины. Окружившие подводу немцы с брезгливостью отошли от больной лошади, не устроив обыск. Воспоминания показывают осознание гражданами личного риска. У Закревской А. было двое своих детей, ждала третьего, и приютила дочь погибшего сотрудника НКВД.

Подпольная группа была выдана одной из подпольщиц (этот эпизод и фамилия предателя фигурирует и в других воспоминаниях). Ворвавшиеся в дом полицейские избили ее до крови (впоследствии из-за этого потеряла ребенка), но избиение прекратили немцы из соседнего караульного помещения, которые периодически заходили к ним в дом за продуктами. Немцы мотивировали вмешательство тем, что у нее маленькие дети.

В завершении воспоминаний высказывается обида, что отбывшие наказание полицейские вернулись в Лепель и смеются над бывшими подпольщиками, мол «что вы заслужили? А мы и тогда жили (при немцах) и теперь, по крайней мере, получаем пенсии, какие вам и не сняться. И правда, все полицаи хорошо обеспечены». В завершении высказывается желание получить документы участника подпольного движения и восстановить справедливость в отношении погибшего брата Владимира Закревского [6].

Лобова Г. Н. упоминает, как «случайно» на базаре с мужчиной, который представился членом десантированной диверсионной группы. Привела домой и познакомилась с мужем. На следующей встрече присутствовали еще две девушки-уроженки Москвы и Ленинграда, являвшиеся связными. Ее супругу Виктору Лобову партизаны предложили устроиться на работу, дававшую право беспрепятственного перемещения по городу. Он поступил в управу на должность техника по благоустройству города. Имея круглосуточный пропуск и пароль (могли вызвать на работу в любое время, чтобы подготовить помеще-

ния для прибывающих воинских частей) он сообщал пароли партизанам, составлял схемы дислокации немецких объектов, доставал бланки паспортов и пропусков. В октябре 1942 г. Петр и девушки привезли из отряда в Лепель рожь для обмена на соль, но были арестованы. Под пытками в СД Петр назвал имя Виктора Лобова. В результате он и партизаны после пыток были расстреляны.

В начале 1943 г. Лобова Г. Н. познакомилась с партизанской связной, через которую переправила к партизанам военнопленных, в том числе военнопленного врача. По заданию партизан передавала медикаменты, махорку. В мае 1944 г. арестованная партизанская связная выдала всех подпольщиков, Лобова Г. Н. была арестована. Из тюрьмы переведена в лагерь, где заболела тифом, поэтому избежала угона на запад (всех больных оставили в тифозных бараках), была освобождена Красной армией. Официального статуса участницы войны не имела, поскольку: «Мы с Виктором выполняли свой долг перед Родиной, когда ей было трудно (...) Он отдал свою жизнь, я — здоровье. Взамен нам уже не нужны «бумажки», которых нужно еще с таким трудом добиваться» [7].

Имеются воспоминания граждан, живших в Лепельском районе и являвшихся связными партизан. Жившая в дер. Подымхи Жерносек Ульяна Семеновна с 1942 г. была связной бригады Дубова. Полученные от партизан листовки носила в Лепель Ирине Велюго. Ходила в казарму «добровольцев» (каминцев -?) и передавала листовки военнослужащему, выполнявшему задания партизан, он ей передавал лепельские газеты (не ясно, идет ли речь о коллаборационных изданиях или о подпольных). Весной 1944 г. этот военнослужащий был арестован, и выдал подпольщиков. Каминцы приехали в деревню и арестовали ее, на очной ставке она все отрицала. Один из следователей зверски избил подпольщицу, другой его сдерживал. Отец отвез этому следователю продукты, в итоге смертный приговор был заменен на 10 лет заключения в лагере. В лагере

она заболела тифом, была отправлена в городскую больницу, откуда работавший там врач-военнопленный передал ее отцу; до освобождения пряталась в погребе [8].

Связной бригады Дубова Тухто Иван Сергеевич вспоминает как в дер. Дримовщина образовалась группа патриотов, лично замаскированный радиоприемник, слушали передачи из Москвы, были связаны с работниками Лепельской типографии, печатали там листовки и сводки Совинформбюро, потом распространяли их по деревням, подбрасывая во дворы или почтовые ящики. Кто-то из односельчан донес о сокрытии радиоприемника, полиция провела обыск, но Тухто И. С. предъявил обгоревшие обломки приемника, и сказал, что, якобы, давно сжег его, выполняя распоряжением немцев [9].

Аникевич Анна Федоровна вспоминает человеческую доброту в экстремальной ситуации нацистской оккупации. Когда заболел ребенок, из военного городка босиком прибежала в Лепель, «и если бы не добрые люди, пришлось бы мне сына хоронить». Помогли доктор Гельфанд (человек с большой буквы, по определению Аникевич) и лаборант Молоткова Д. П., которая отпоила ребенка рисовым отваром. Ее знакомая Мария Владимировна Нарушевич делилась последним куском хлеба, хотя сама имела маленькую дочь. Жительница Лепеля Декснис Наталья Михайловна, впоследствии замученная немцами, собирала для партизан облигации и медикаменты. Аникевич передала ей облигации и марлю. Впоследствии Декснис никого под пытками не выдала. Рассказчица утверждает, что граждане были вынуждены работать на врага вопреки своему желанию, но при этом помогали партизанам. Аникевич А. Ф. отмечает, что не может быть причислена к числу подпольщиков, так как ничего исключительного не совершила, хотя и старалась помочь [10].

Воспоминания М. Бакштаева интересны с точки зрения реконструкции оккупационной повседневности. Дается описание мерзнущих в Лепеле немцев: «пританцовывают на ходу

(...). Они утеплены женскими теплыми воротниками, головы поверх пилоток повязаны платками. Показываться на улице тепло одетым и обутым опасно — разденут и разуют». Приводится описание материальной базы больницы, хозяйство которой было разрушено и разграблено, отсутствовало топливо, вода, белье, в помещениях было холодно и сыро. Раненные военнопленные лежали на койках и на полу, укрытые чем попало. Тощие пайки не утоляли голода. Из больницы военнопленных отбирали в рабочие команды. Был издан приказ о раздельном содержании военнопленных и гражданских пациентов больницы. Немцы требовали вести учет пациентов по национальному признаку.

Описывается положение евреев, которые ходили только по проезжей части, приводятся слухи среди населения об умышленном наезде на евреев автомашин. М. Бакштаев лично оказывал помощь сбитому машиной врачу-еврею. Из больницы изъяли около 10 военнопленных-евреев, которых поместили в гетто. Описывается расстрел евреев около дер. Черноручье, хотя не понятно, откуда рассказчик знает подробности расстрела: «Когда яма была заполнена убитыми и полуубитыми, те же палачи спешно засыпали ее, а насыпанная земля дышала под их ногами». Очевидно, в данном случае имеет место синтез личного опыта оккупации и послевоенной информации. Бакштаев пишет, что «случившееся было недоступно пониманию, и хотелось отмахнуться от него, а оно давило на сознание, на душу и требовало ответа на вопрос: да возможно ли это? Не кошмарный ли это сон?»

После того, как к весне 1942 г. военнопленные были выписаны из больницы, в нее, кроме гражданских, стали поступать больные, опухшие от голода узники тюрьмы со следами истязаний. Перевязочным материалом часто служили вымытые и прокипяченные тряпки из старого белья. Вместо гипса для фиксирующих повязок использовался крахмал, приносимый родственниками больных. Однажды всех

врачей после тщательного обыска арестовали и увели в СД из-за найденной записки из партизанской зоны к одному из врачей. Некоторые сотрудники уходили к партизанам, например, завхоз больницы, отправившийся на двух подводах в лес за дровами. Уходили из больницы и пациенты, доставленные сюда из СД.

Осенью 1943 г. Для Лепельского района началась, по определению Б., «беспокойная жизнь» из-за дислокации здесь РОНА. Больница была перемещена в полуразрушенное здание детских яслей, а больничные корпуса заняла РОНА. На митингах население зазывалось в РОНА. После одного из походов против партизан на площади был устроен молебен с провозглашением «многая лета» «вождю» (Каминскому — Е. Г.). В ходе начавшейся мобилизации в РОНА многие молодые люди бежали к партизанам. Упоминает заговор против Каминского в среде командного состава РОНА и переход к партизанам. После раскрытия заговора заговорщики были повешены на базарной площади, где ранее был проведен молебен «о даровании победы православному воинству». Приводится пример гибели врача от рук другого врача РОНА, когда первый пытался уговорить своего коллегу уйти в партизаны, но был им застрелен. Отмечается изменение в поведении немцев в 1944 г. С одной стороны, участились аресты граждан; арестованные содержались в лагере на территории бывшего военного городка, с другой стороны, в больницу стали привозить раненных в бою партизан, тогда как раньше немцы их добивали [11].

Из послевоенной переписки участников и свидетелей подпольного движения виден не простой процесс реконструкции истории Лепельского подполья. Участники подпольного движения обращались в Витебский Обком КПБ, в результате чего 20.01.1967 г. Обком принял решение о более глубоком изучении Лепельского патриотического подполья. Созданная для этого комиссия установила имена 69-ти участников подполь-

ных групп в Лепеле, Невесинской и Ляховичской организаций [12]. Отражены споры между участниками подполья и свидетелями, обвинения в искажении фактов [13]. Можно встретить даже признание умышленного искажения информации, вычеркивания определенных лиц из истории подпольного движения. Например, М. Нарушевич отмечает, что из рукописи книги о Лепельском подполье был исключен работавший в шерстечесальной мастерской И. С. Симаков на том основании, что он был осужден после войны (позднее полностью реабилитирован). По словам Нарушевич, он регулярно снабжал подпольщиц шерстью, из которой они вязали партизанам рукавицы и носки. Нарушевич отмечает, что в условиях оккупации многие люди работали у немцев, причем на высоких постах, являясь при этом советскими патриотами [14]. Высказывалось недовольство тем, что процесс изучения истории Лепельского подполья идет медленно, нет понимания необходимости этой работы у руководства РК КПБ [15].

Несмотря на фрагментарность информации, значительный временной промежуток между созданием воспоминаний и описываемыми событиями, субъективность и противоречивость некоторых сведений, воспоминания являются основным источником, по которому можно реконструировать деятельность Лепельского подполья. В отличие от партизанского движения, в боевых подразделениях которого велась документация, подпольные группы по вполне понятным причинам не фиксировали на бумаге свой численный состав и акты сопротивления оккупантам. В этой ситуации воспоминания, несмотря на указанные специфические черты, остаются фактически единственным доступным для исследователей источником, и наличие в фондах Лепельского районного краеведческого музея такого рода источника свидетельствует о том, что работа по изучению истории Лепельского подполья может и должна быть продолжена.

Источники

1. Нарысы гісторыі Лепельшчыны: зборнік артыкулаў / уступ. арт. Г. М. Якаўлевай; пад агул. рэд. Я. А. Грэбёня, А. У. Стэльмах.—Віцебск: Віцеб. абл. друк., 2012.—420 с. С. 263–308.
2. Памяць: Лепельскі раён: Гіст. — дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Рэдкал.: В. Я. Ланікіна [і інш.]. — Мн.: Беларусь, 1999. — 640 с.
3. Воспоминания Клац Александры Федотовны. Лепельский районный краеведческий музей (ЛРКМ). НВ 3713-1.
4. Воспоминания Зайцевой М. ЛРКМ. НВ 3713-23.
5. Воспоминания Катырло-Юшкевич А. И. ЛРКМ. НВ 3713-20.
6. Воспоминания Закревской А. ЛРКМ. НВ 3713-3.
7. Воспоминания Лоховой Г. Н. ЛРКМ. НВ 3713-38.
8. Воспоминания Жерносок Ульяны Семеновны. ЛРКМ. НВ 3713-80.
9. Воспоминания Тухто Ивана Сергеевича. ЛРКМ. НВ 3713-2.
10. Воспоминания Аникевич Анны Федоровны. ЛРКМ. НВ 3713-55.
11. Воспоминания М. Бакштаева. ЛРКМ. НВ 3713-68.
12. Письмо секретаря Витебского Обкома КПБ к Парфенчук А. М. 10.06.1967 г., ЛРКМ. НВ 3713-64.
13. Письмо Нарушевич М. ЛРКМ. НВ 3713-81, ЛРКМ. НВ 3713-67.
14. Письмо Нарушевич М. ЛРКМ. НВ 3713-44.
15. Письмо Нарушевич М. ЛРКМ. НВ 3713-35.

Д. В. Яковлев

**КАРТЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
В ФОНДАХ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА М. Ф. ШМЫРЕВА
(НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ ЛЕПЕЛЬСКОГО РАЙОНА)**

В 2011 году в основной фонд музея были переданы Райцевой Ольгой Михайловной (вдовой Райцева Д. Ф. командира партизанской бригады им. Краснознаменного Ленинского комсомола) 96 военно-топографических карт Генерального штаба Красной Армии. В основном на этих картах вычерчены населенные

пункты восточной части Витебской области и граничащих с ней районов Смоленской и Псковской областей РСФСР. Крайние даты создания военно-топографических карт 1918–1940 гг. В данной статье будут рассмотрены военно-топографические карты населенных пунктов Лепельского района и близлежащих к ним территорий.

Съемкой и вычерчиванием карт занимались военные топографы. При создании в мае 1918 г. Всероссийского главного штаба в его составе было образовано и Военно-топографическое управление. 10 декабря 1923 г. управление реорганизовано в Военно-топографический отдел Штаба РККА, а с 20 июня 1924 г. Военно-топографический отдел Штаба РККА преобразован в Военно-топографическое управление. Оно ведало производством аэрофототопографических, геодезических съемок, научно-испытательными работами, астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами по заданиям Штаба РККА, снабжением центральных и местных органов предметами геодезического, топографического, чертежного, картоиздательского имущества. С 21 июня 1931 г. Военно-топографическое управление стало называться Управлением военных топографов. С ноября 1934 г. Управление военных топографов стало отделом военно-топографической службы. Вместе с аппаратом Штаба РККА отдел вошел в состав Генерального штаба РККА с 25 сентября 1935 г. Уже 26 июля 1940 г. Генеральный штаб РККА преобразован в Генеральный штаб Красной Армии (ГШ КА) [1].

Надо подчеркнуть, что вплоть до Второй Мировой войны РККА выпускала карты масштабом 1:25 000, 1:50 000, 1:100 000 опираясь на карты Российской империи частично обновив содержание или даже без изменений.

Карты нового поколения, выпускаемые после 1930-ых, масштабом 1:25 000, 1:50 000, 1:100 000, 1:200 000, 1:500 000, 1:1 000 000 были примером для других государств. Содержание карт нового поколения тоже не одинаково обновленное —